ВОЛЬНЫЙ ГОРЕЦЪ

Органъ революціонной демократіи горскихъ народовъ Сѣвернаго Кавказа.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА ВЫХОДИТЪ ДВА РАЗА ВЪ НЕДѢЛЮ, ПО ПОНЕДѢЛЬНИКАМЪ И ЧЕТВЕРГАМЪ.

№ 16. Понедѣльникъ, 8 декабря 1919 года. **Цѣна 3 руб.**

Адресъ Редакціи и Конторы: Тифлисъ, Пр. Руставели, Отель Европа.

Редакція открыта отъ 12—1 ч., контора отъ 10—2 ч.

Объявленія принимаются: За строку петита впереди текста 3 руб. послѣ текста 2 руб.

Присылаемыя статьи должны быть написаны на одной сторонѣ листа и снабжены подписью автора. Редакція оставляетъ за собой право сокращать и поправлять рукопись.

Можно-ль вѣрить?

„Большевики говорятъ: каждый народъ свободенъ и можетъ свободно самоуправляться"...

„Рабоче-крестьянское правительство Совѣтской Россіи даетъ имъ (дагестанцамъ) полную свободу самоопредѣленія".

„Вы знаете, что Совѣтская Россія не навязываетъ своей власти народу, если онъ самъ не желаетъ ее. Совѣтская Россія признаетъ за Дагестаномъ самостоятельность и установитъ съ нимъ добрососѣдское отношеніе".

Вотъ выдержки изъ письма д-ра Нариманова Нажмутдину Гоцинскому, помѣщенному въ прошломъ номерѣ „В. Г." казалось бы, чего лучше. Къ сожалѣнію сбытъ политической жизни Россіи послѣ октябрскаго періода даетъ намъ разительные примѣры того, какъ у Совѣтской власти слово расходится съ дѣломъ и это въ особенности въ „инородческой" политикѣ.

Не менѣе скверно, конечно, дѣло обстояло и въ до октябрскій періодъ. Инородческое населеніе Россіи никогда не забудетъ тѣхъ фельдфебельскихъ окриковъ по ихъ адресу, которые позволялъ себѣ Керенскій и ту политику по отношенію къ нимъ, которую вела господствовавшая тогда партія с.-р.

Въ свое время большевики старались завоевать симпатіи инородцевъ и подвергали эту политику справедливой и вполнѣ основательной критикѣ, но, ставъ у власти, они недалеко ушли отъ с.-р.

Какъ считаются большевики съ волей того или иного инородческаго населенія можно судить, хотя бы по Туркестану.

Въ недавно вышедшихъ номерахъ журнала „На рубежѣ" помѣщены весьма любопытные очерки извѣстнаго общественнаго дѣятеля въ мусульманскомъ мірѣ киргиза Мустафы Чокаева подъ заглавіемъ: „Туркестанъ и революція".

Тамъ, между прочимъ, читаемъ: „при объявленіи Туркестана „Совѣтской республикой" (1 мая 918 г.) среди почти 500 членовъ съѣзда совѣтовъ молчаливо присутствовало не болѣе полутора десятка киргизъ и сартовъ" („На рубежѣ" № 2 стр. 9).

Это въ краѣ, гдѣ туземное мусульманское населеніе составляетъ 95% общаго количества жителей.

До провозглашенія совѣтской власти въ самомъ Туркестанскомъ исполнительномъ комитетѣ изъ 9-ти мѣстъ мусульмане имѣли только 2 и 4 мѣста изъ 24 въ Краевомъ Совѣщаніи.

Когда такое положеніе вещей вызывало протесты „мусульманскаго большинства", подозвавшіеся отъ имени киргизскаго и общемусульманскаго Краевыхъ Совѣтовъ, то эти протесты вызывали недвусмысленную угрозу со стороны Краевой Совѣтской власти.

„Исчерпавъ всѣ средства, говоритъ Мустафа Чокаевъ, туркестанское мусульманское населеніе вернулось на путь самостоятельнаго разрѣшенія своихъ національныхъ задачъ".

Была провозглашена автономія Туркестана (25—29 ноября стар. стил. 1917 г. кокандскій съѣздъ) и избрано Правительство Автономнаго Туркестана. Это правительство просуществовало два мѣсяца, успѣвъ за это время провести черезъ Народный Совѣтъ законъ о выборахъ въ Туркестанское Учредительное Собраніе.

„Въ исторіи народовъ, слагавшихъ старую Россію, эта кратковременная попытка туркестанскихъ мусульманъ, продолжаетъ свое печальное повѣствованіе Мустафа Чокаевъ, самостоятельно разрѣшить національныя проблемы займетъ несомнѣнно, одну изъ самыхъ трагическихъ страницъ.

Разгромъ въ началѣ февраля 1918 г. резиденціи Автономнаго Правительства—богатѣйшаго города всей Средней Азіи—Коканда, безпримѣрная, даже въ исторіи россійскаго большевизма, жестокость по отношенію къ мусульманскому населенію, осквернеріе мечетей и многихъ мусульманскихъ святынь, сожженіе книгохранилищъ при медресахъ—все это оказалось не послѣдней каплей въ той чашѣ, которую пришлось испить туземному населенію изъ рукъ большевистской диктатуры.

Идея національнаго самоопредѣленія была загнана въ подполье и „хозяевами страны" стали *сибирскіе и др. полки*, да военно-плѣнные мадьяры...

При такихъ условіяхъ безоружному туземному населенію Туркестана оставалось думать только о своемъ физическомъ самосохраненіи".

Передъ нами слова и факты. Теорія и практика большевиковъ въ ихъ отношеніи къ правамъ малыхъ народовъ на національное самоопредѣленіе. Спрашивается можно-ль вѣрить обѣщаніямъ д-ра Нариманова горскимъ народамъ, что совѣтская власть отнесется со всемъ вниманіемъ къ праву горскихъ народовъ устраивать свою жизнь по своему усмотрѣнію?.

Не найдутся ли и для кавказскихъ народовъ тоже какіе нибудь большевистскіе „сибирскіе полки и мадьярскіе военно плѣнные", которые пожелаютъ держать власть въ своихъ рукахъ?!

Ах.

Обзоръ печати.

Въ связи съ событіями на Кубани въ общественное сознаніе Закавказья стучится мысль о возможности контръ-революціонныхъ атакъ на закавказскія республики со стороны Деникина, соотвѣтствующихъ симптомовъ достаточно.

„Возрожденіе" останавливается на этомъ вопросѣ. Газета указываетъ на тѣ перспективы, которыя были возможны передъ кавказскими государственными образованіями, если бы они были предусмотрѣны самимъ собой если бы не вмѣшались „чужыя краевыя интересныя силы".

Представители кубанской кровной власти и руководящія въ кубанской радѣ черноморская группа уже давно искали способовъ и возможности заключить съ республиками Кавказа, въ томъ числѣ и съ Горской, дружественныя взаимоотношенія, установить правильныя товарообмѣны, начать новую сообразную жизнь на дѣйствительно новыхъ началахъ. Но вмѣшали свои руки чужыя и посторонныя краевымъ интересамъ и лишь дамъ сила, какъ добровольческая армія, поддерживая Деникина, этотъ естественный процессъ взаимодѣйствія и обмѣна создалъ бы мало по мало тѣ нормальныя условія жизни, въ которыхъ необходимо прежде всего строительство могло бы слагаться правильнымъ и плодотворнымъ путемъ и у насъ и у насъ. Мы бы укладили свои взаимоотношенія съ Горскою и съ Кубанью совершенно иначе, жили бы полнѣйшимъ ихъ сейчасъ, даже въ тягостной атмосферѣ постоянной сѣверной грозы, съ Азербайджаномъ и съ Арменіей.

Но „чужыя краевыя интересныя силы" помѣшались и въ результатѣ „горская республика раздавлена", пращи съ огорчой, что не раздавлена еще горскіе народы.

Мало того—съ наиболѣе горяче и сознательно настроенной кубанской интеллигенціи, которые хорошо понимали всю повелительную необходимость заключить съ горцами союзъ дружбы", объявлены за это измѣнниками Россіи, и сдать ихъ какъ, повѣшали въ рукахъ добровольческихъ генераловъ, уже повѣшенъ въ Екатеринодарѣ.

Отдавая себѣ ясный отчетъ въ преступной для всѣхъ смежныхъ народовъ Кавказа роли добровольческой арміи, газета не ждетъ отъ руководителей этой арміи ни малѣйшаго политическаго такта, ни малѣйшаго намека на необходимость взаимнаго понниманія.

Совершенно наоборотъ—мы должны ждать сжимающихъ такихъ съ ихъ стороны выступленій, которыя будутъ предпринимаемы вдохновляющимъ ихъ духомъ самой крайней и безразмѣрной нетерпимости.

Такимъ образомъ надъ Грузіей нависла огромная опасность.

Свободная Грузія, существующая туть-же рядомъ, горяла своей независимостью, самостоятельно ведущая сношенія съ Европой,—это какъ бѣльмо на глазу для этихъ вѣрныхъ холоповъ былого, рухнувшаго уже самодержавія.

И мы нисколько не сомнѣваемся, что Грузія будетъ защищать свою свободу и независимость, вооружившись до послѣдняго человѣка.

Вопросъ идетъ о томъ что дѣлать сейчасъ, чтобы предотвратить опасность.

„Возрожденіе" ищетъ содѣйствія у „представителей Европы".

Мы обращаемся сейчасъ къ тѣмъ представителямъ Европы, правительства которыхъ поддерживали до сихъ поръ добровольческую армію, какъ противобольшевистскую организацію, удесятерить ея силу своей поддержкой. Если они не хотятъ, чтобы и весь Закавказскій край, до сихъ поръ сохранявшій условія мирной предусмотренности, былъ втянутъ въ неслыханный процессъ россійской гражданской войны, они должны всѣмъ способами добиваться отъ своихъ правительствъ категорическаго запрещенія ген. Деникину какимъ-либо агрессивнымъ выступленіямъ противъ требующихъ самостоятельности республикъ Закавказья. И грузины, и мусульмане будутъ съ героической настойчивостью защищать добыя „средствами свою экономическую, и политическую отъ Чечнѣ и въ Дагестанѣ неприкосновенную войны разольется широкимъ и неукротимымъ пожаромъ по уцѣлѣвшимъ Грузіи и сохранившимъ Азербайджана. Закавказскій край, до сихъ поръ всячески себя сберегающій отъ грозной опасности, будетъ неминуемо вовлеченъ въ этотъ сокрушительный потокъ пламени и разрушенія.

Мы думаемъ, что такая страшная для всѣхъ перспектива наиболѣе образомъ не можетъ входить въ расчетъ стаѣ благосклонныхъ къ намъ на словахъ иностранныхъ мѣстей, и что эта благосклонность будетъ опредѣлена теперь соотвѣтствующимъ поступкомъ: категорическимъ требованіемъ по адресу генерала Деникина воздержаній свой боевыя награды на сѣверѣ противъ большевиковъ, не на всѣ щотнѣ мирныхъ республикъ Закавказья.

А если „представители Европы" не найдутъ для себя возможности выставить такое „категорическое требованіе". До сихъ поръ по крайней мѣрѣ, „европейская политика" на нашемъ знаткомъ Кавказѣ не дала почвы для какихъ радужныхъ иллюзій.

Необходимъ, исторія съ горской республикой была весьма поучительна, да и теперь „горская свобода удушается при помощи военнаго снаряженія, предоставленнаго въ распоряженіе Деникина „европейскими представителями".

Есть одна опасность возлагать надежды на „Европу", это то, что пока Грузія и Азербайджанъ будутъ подтверждать на общественное мнѣніе Европы горскіе народы будутъ раздавлены. Пока Деникинъ раздавитъ только горскую республику, но онъ не успѣлъ еще порѣшить горскіе народы. Эти народы выдерживаютъ теперь натискъ Деникина. Кровь которую льютъ горскіе народы даетъ возможность Грузіи и Азербайджану заняться „большой политикой". **Но горскіе народы находятся на краю гибели. Представленные самимъ себѣ они будутъ раздавлены.** Было бы преступно съ нашей стороны скрывать эту истину. Тѣмъ дальше отступаетъ Деникинская армія на югъ, тѣмъ положеніе горскихъ народовъ подпадаетъ знаки постанія ухудшается. Тѣмъ бѣшенѣй Деникинъ будетъ стремиться обезпечить свой тылъ и повернуть горскіе народы, чтобы найти новый резервуаръ живой силы.

А что будетъ, если это случится и знамя Деникина будетъ развѣваться на всей территоріи горскихъ народовъ?

Жизнь требуетъ немедленныхъ рѣшитель-

Разложеніе.

Среди причинъ, подтачивающихъ дни добровольческой арміи и подрывающихъ ея блескъ и силу, кромѣ того, что красные сжимаютъ ее стальными кольцами массы пѣхоты, играетъ безусловно моральное, или вѣрнѣй, идеологическое и физическое разложеніе.

Когда слагалась добровольческая армія изъ ротъ и изъ сотенъ, когда она слабая, только еще формирующаяся, начала строить свой антибольшевистскій фронтъ, когда она стягивала къ себѣ все настроенное противъ большевиковъ офицерство—тогда она, несмотря на немногочисленность своихъ боевыхъ единицъ и на отсутствіе матеріальной и моральной поддержки мировыхъ имперіалистовъ—была сильной и грозной.

Сильной и грозной потому, что свою невыясненную для многихъ политическую физіономію она прикрывала вуалью демократизма, а свою физическую силу строила на однородныхъ и сплоченныхъ рядахъ офицерскихъ ротъ, перешедшихъ Рубиконъ и поставленныхъ передъ дилеммой или умереть или побѣдить.

Для многихъ, пострадавшихъ отъ большевиковъ и искавшихъ выхода изъ невыносимаго режима гражданской войны—добровольческая армія казалось маякомъ спасенія среди разбушевавшагося моря страстей.

Вѣдь она обѣщала дать возможность созыва Учредительнаго Собранія, манившаго надеждами на общенародное разрѣшеніе соціальныхъ конфликтовъ.

И этотъ объѣтъ „защитить права народа и его волю" облекалъ въ демократическіе тоги въ глазахъ многихъ, добровольческую армію.

Подъ лозунгами добровольческой арміи сбирались наивно вѣрующіе, плохо понимающіе и неразбирающіеся въ тонкостяхъ и шулерствѣ большой политической игры, а подъ ея боевыя знамена слетѣлись офицеры для организаціи офицерскихъ частей.

И сочувствіе массъ, сжатыхъ тисками коммунистическихъ опытовъ, и боеспособные, горѣвшіе желаніемъ или побѣдить или умереть офицерскія сотни и роты—вотъ были источники рошей силы доброварміи.

Но теперь добровармія разлагается.

Послѣ насилія надъ кубанской радой послѣднія иллюзіи насчетъ истинной природы доброволіи должны разсѣяться.

Только политическіе шулера и непроходимые глупцы могутъ теперь говорить еще о демократическихъ добровольческихъ чаяніяхъ и ожиданіяхъ.

Такимъ образомъ того идеологическаго фундамента, на которомъ строилась доброволія, используя симпатіи легковѣрныхъ и слѣпыхъ—нѣтъ.

Но и съ другой опорой добровармии съ ея прочной и стойкой физической силой также судьба сыграла злую шутку.

Тѣ офицерские сотни и роты на которыя всегда могла положиться добровольческая армія въ „знаменитыхъ" кубанскихъ дняхъ, которыми она пользовалась для насажденія своей власти и, между прочимъ, и среди горцевъ—теперь распались.

По мѣрѣ того, какъ добровольческая армія выходила изъ своей кубанско донской скорлупы и покорала „подъ ноги" новыя земли и города, получая резервуаръ живой человѣческой силы для создачія своихъ армій—офицерскія сотни распылялись, какъ командный составъ, по полкамъ и дивизіямъ составленнымъ изъ мобилизованныхъ.

Вся эта сила къ борьбѣ съ большевиками, которой были офицерскія сотни распалась.

Однородныя чести изъ одинаковаго психологическаго матеріала въ цѣломъ, потонули въ массахъ, мобилизованныхъ не передавъ однако имъ и бѣдной тѣни своихъ настроеній.

И понятно, что не является преувеличеніемъ, когда говорятъ, что и идеологически и физически добровольческая армія разлагается.

Это разложеніе для нея болѣе роковое и пагубное чѣмъ напоръ краснармейскихъ рядовъ, упорно двигающихся на югъ.

Аргунскій.

Исторія повторяется.

Если присмотрѣться къ дѣйствіямъ добровольческихъ войскъ въ Дагестанѣ и въ Чечнѣ, то невольно поражаешься ихъ сходствомъ съ дѣйствіями русскихъ войскъ на Кавказѣ во время многолѣтней борьбы съ горцами.

Какъ иногда поразительно повторяются историческія событія.

Вотъ напримѣръ практикуемое въ настоящее время сжиганіе горскихъ ауловъ. Старая система дѣйствій.

Одинъ историкъ такъ говоритъ: *).

— Вотъ характеристическій случай, нерѣдко повторявшійся при этихъ экспедиціяхъ: „...но вотъ деревня въ виду—ура! и наши разсыпались по избамъ. Мужчины и женщины, захваченныя, вскочатъ, все имущество въ рукахъ побѣдителей. Какое торжество! Какъ удачно все кончилось!.. Оказалось, что деревня, въ которую попали и разграбили, была мирная и горюнко оставалась въ домахъ; непокорные же воспользовались этимъ и успѣли выбраться въ лѣсъ...

По совершенному окончанію всего, что нужно было сдѣлать послѣ описаннаго подвига, отрядъ отправился къ дальнѣйшему назначенію и сжегъ (4) деревни, а также истребилъ лѣсъ хлѣбныя поля...

Въ концѣ концовъ разсужденій авторъ говоритъ: „Но, ради Бога не требуйте отъ меня толковыхъ объясненій всѣхъ дѣйствій нашихъ.

Развѣ сжиганіе горскихъ ауловъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ не продолженіе той же безсмысленной варварской практики военныхъ дѣйствій, которая имѣла мѣсто чуть-ли не цѣлое столѣтіе назадъ?!

Далѣе, недавно корреспондентъ „Вольнаго Горца" сообщалъ, что въ Петровскій сосредоточиваются калмыцкія войска. Горцевъ хотятъ покорять при помощи калмыковъ.

Старая исторія!

Вотъ, что читаемъ мы въ „Историческомъ очеркѣ Кавказскихъ войнъ отъ ихъ начала до присоединенія Грузіи" генерала Потто (стр. 44).

„Въ тылу терской линіи кочевали до предѣловъ Волги калмыки, управляющіеся тогда ханомъ Дундуч-Омбо. Этотъ воинственный ханъ весьма перемѣнчиво относился къ Россіи... онъ не преминулъ бы обрушиться на безащитныя терскія станицы, однако хищническіе инстинкты его были удачно отвлечены въ другую сторону, на Кубань...

Въ эту сторону и была направлена энергія Дундука-Омбо. Два года подрядъ онъ совершалъ свои замѣчательные съ кавалерійской точки зрѣнія налеты на Кубань. Весной 1736 г., дѣлая переходы въ сто и больше верстъ, онъ въ три дня съ 40 тысячами прошелъ съ Кумы на Кубань, разнесъ и разгромилъ все, что встрѣтилось на пути. На Урупѣ онъ вырѣзалъ до 6-ти тысячъ ногайцевъ и 20 тысячъ женъ и дѣтей увлекъ въ свои кочевья. Затѣмъ въ ноябрѣ, усиленный нѣсколько генераломъ Краснощековымъ съ донцами, онъ въ 14-ть дней прошелъ всю долину Кубани, взялъ приступомъ Копыль, розорилъ его, сжегъ всѣ станицы Некрасовцевъ, дошелъ до Чернаго моря и тѣмъ же путемъ съ 10-ю т. плѣнныхъ, женъ и дѣтей, вернулся обратно. За нимъ осталась пустыня, съ выжженными селеніями и болѣе 30-ти тысячъ труповъ".

Вотъ воспоминанія о какихъ историческихъ фактахъ вдохновляетъ добровармію

*) Казбекъ Кранцъ въ Чечнѣ и Дагестанѣ 1834—1861 г. Тифлисъ 1885 г.

„Борьба" съ преступностью.

Рецепт ничтожности жандармерия недорной мысли жалъ черного стала российской реакціи заинтересовалъ вопросъ, обольшимъ вопросомъ Ингушетіи—о борьбѣ съ грабежами и разбоями.

Но „народный совѣтъ въ Назранѣ имѣющимъ общего съ интересомъ вопросъ, подъ предсѣдательствомъ знаменитъ „стоко представителя ингушскаго народа" полковника Сафронова 27 „представителей" населенія обсуждали этотъ вопросъ.

И эти 27 представителей, приглашенныхъ совѣтомъ, разыгрыть въ режиссерской указкѣ генерала, фарсъ „вершителя судебъ—постановленіи „совѣтскаго" замѣнить „слишкомъ гуманный горскій сложный судъ шарлатанамъ фашизма котораго не подлежитъ апелляціи и кассаціи".

Такимъ образомъ, охраняя добровольцевъ, имѣющіе у себя отъ услуженія больнія научныя силы изъ кадетскаго лагеря, тѣ силы которыя еще такъ недавно читали студенческой молодежи и писали въ учебникахъ что преступленіе должно быть предупреждаемо государственной дѣятельностью, что на силы репрессаліи не „санкція"—а рациональная „превенція" сокращенія преступность—нечему не научилися.

Добровольцы въ въ своей практической работѣ въ угодной политикѣ хотятъ бороться съ преступностью въ Ингушетіи путемъ замѣны сегодня суда безвиллиціонным шарлатанъ.

И это называется вѣрой, предпринятой изъ соглашенія „научной, которую добровольцы „во чего" большинствомъ расцѣпливаютъ вновь?

Кажется, въ теченіи многолѣтней практики пролива много было пролито крови, выкалывано черепа, вонючаго кавказскаго, но борьбы съ грабежами и разбоями не двигалась ни на шагъ впередъ.

Расцѣпить грабежи и разбои въ Ингушетіи продолжался потому, что дорогіе лавки генеральскими домами сдѣлали только отобли горной травы но не вырывали корни ея.

Они жестоко расправлялись съ преступниками, но оставляли нетронутымъ ту экономическую среду, ту соціальную обстановку, въ которой по необходимости зарождаться должна была расцѣпить преступность.

Земельный голодъ, тяжелый въ силу съ инозтранный другими второстепенными причинами горцевъ на грабежъ дабы удовлетворять свои принятыя и несказанныя потребности—не только не уменьшали политикой нарадма, но рость какой корни преступности.

И, казалось бы, что теперь, если бы добровольцы были дѣйствительно, заинтересованы въ успѣшной борьбѣ съ грабежами и разбоями въ Ингушетіи, она должна была, почерпнувъ уроки изъ царской угодной политики и воспользовавшись бывшими „докторскими" совѣтами свихъ профессоровъ, удѣлить вниманіе обслѣдованію причинъ, и выработать мѣръ, по широкому государственному предупрежденію преступности.

Но стоящимъ на стражѣ интересовъ добровольцы это обслѣдованіе причинъ преступности какъ не выгодно.

Вѣдь, преступность съ тѣхъ поръ какъ на горской территоріи стала добровольцы по словамъ мѣстныхъ людей увеличилась.

Очевидно, добровольческій режимъ пришелся съ собой тѣ факторы, которые увеличиваютъ преступность.

И понятно что сопряжать объективное, пользы вообще возможно такое для всегда существующей власти обслѣдованіе,—это значитъ для добровольцы сопрядать слѣдствіе идущ самой собой и идущ своей недавней результатъ которой въ Ингушетіи при покореніи ея цѣлой уничтоженія ауловъ.

Говорилось на недолгое, до прихода добровольцы на Горецъ, время что колоссальное количество грабежей падаетъ на самыя обедненныя, малообеспеленныя или безземельныя массы горцевъ.

И ясно что съ приходомъ добровольцы на Горецъ, общая сумма благосостоянія горской массы упала, въ тѣмъ и спрядающихъ такихъ факторы увеличенія преступности.

Каждый шагъ добровольцы на Горецъ это были—или не порожнія еще большемъ могилы горожъ-жертвъ по борьбѣ съ насадителями режима казацкой нагайки, или разореніе и оскаленіе цѣпущихъ сусловъ, утопившихъ стоны кровавыми тысячи людей или уничтоженіе или поприны уже готовыхъ въ сбору пашенъ.

А режимъ добровольческихъ управителей—это было безпрерывное „выкачаніе масла" изъ населенія—масло и безцѣнномъ перерастѣ отданіе изъ народнаго карманъ горской массы ценнаго добро въ бедонныя мошны добровольцевъ.

Населеніе, и безъ того слабо питающееся и не могущее вслѣдствіе низкаго уровня благосостоянія удовлетворять своихъ потребностей, а потому вынужденное соціальными причинъ оскальзываетъ съ стези экономости въ пасекахъ истощенность или стаскивания—можно при добровольцахъ только поторопить запретами пути исканія средствъ существованія.

И поэтъ теперь добровольцы со своими приглашенными изъ мѣстныхъ знатуей, заводящихъ кажется безнадежно свою совѣсть въ „лоскодрать" изнурденной Россіи,—пищутъ пути „законнымъ сопротивленіемъ" борьбѣ съ грабежами и разбоями.

Этимъ путемъ кажется имѣ путь усиленія и ужесточенія репрессій.

Но что же другое могутъ сдѣлать они? Вѣдь, причина усиленія преступности они устранить не могутъ—но это это противорѣчитъ ихъ соціально-политической природѣ.

Нужно подвать благосостояніе ингушской массы что достигается уменьшенія арендного горцевъ, которое однако сопровождается увеличеніемъ „общы" тереческу казачеству и уменьшеніемъ площади его земледѣльцамъ.

Нѣтъ одну изъ главныхъ сидра тереческо казачество добровольцы сдѣлать этого не могутъ.

Опираются они своей финансовой политики, построенной на нахлахъ реакцій и контрибуцій, они также не принимаютъ желанія.

Поэтому то добровольцы и не въ силахъ соціально бороться съ преступностью. Обнаженный то преступникъ и мать грабежей и разбоевъ сама добровольческая дѣятельность.

И, понятно, что добровольцы пытается настоящую борьбу съ преступностью замѣнить суррогатомъ перевѣтнаго дѣятельностью на репрессалиу.

Однако можно заранѣе предсказать, что добровольческая уголовная политика столкнется на принципахъ теоретиковъ до Бекарія, потерпитъ крахъ.

Преступность не уходитъ пока ея корни не будутъ вырваны трезвой и разумной политикой тѣхъ кто придетъ съ исторической необходимостью на смѣну несостоятельной Добровольки и политическаго банкротаны генералъмъ.

Из. Терковъ

Черноморскіе крестьяне и кавказскіе горцы.

Черноморское крестьянство,—второй годъ борящееся съ добровольческимъ режимомъ, организовывающее свою армію, армію третей силы и, несмотря „на рядъ частичныхъ неудачъ, не считающее себя побѣжденнымъ, какъ заявляютъ представители этого крестьянства - является естестве нымъ союзникомъ горцевъ.

По возставшему Дагестану.

Путевыя записки.

VII.

Утро было пасмурное.

Моря казалось какой-то сѣрой, холодной, застывшей массой. Далеко на горизонтѣ его сливалось съ небомъ въ одно необъятное цѣлое.

Первое, что хотѣлось увидѣть—пароходы.

— А, они на мѣстѣ—эти злые генія стерегущіе расширяющіяся у моря городъ. Плаваютъ пускаютъ дымки. Сотни глазъ слѣдятъ за ихъ передвиженіями, боязливо ихъ ожидаемо прибытія. Одни говорятъ что пароходы отъ усиленной стрѣльбы раскрасились и должны уйти въ Петровскъ для починки. Кто то пустилъ слухъ что одинъ пароходъ во время нашего бои отъ стрѣльбы треснулъ повпалъ и пошелъ на дну. Все это оказывается пустыми разговорами.

— Слышалъ ночью пулеметъ?—спрашиваетъ меня Аббасъ.

— Нѣтъ.

— Здорово это ты спалъ. Такой грохотъ былъ пулеметы пушки, ружья—концертъ здоровый.

Оказывается ночью наши чести, занимавшія верхніе кварталы Дербента перешли въ наступленіе. Враги не дремали. Началась адская схватка продолжавшаяся нѣсколько часовъ. Наши немного потѣснили врага и заняли еще нѣсколько улицъ.

Очень трудно брать хорошо укрѣпленныя позиціи непріятеля. Каждый домъ является естественной крѣпостью. Добровольцы обыкновенно снабжены военными припасами, имѣютъ и ему пулеметомъ. Брать ихъ въ лобъ—задачъ которая потребовала бы сотнями большихъ жертвъ людями. Хотя наши рассчитываютъ поэтомъ этомъ. Но этого рода прикомнаемъ стаку обходъ какъ отъ дома къ дому. Подъ шинелъ наши домъ постепенно сжимаетъ кварталъ и квартальъ.

Взять Дербентъ—можно. Но какъ удержать его не имѣя тяжелой артиллеріи, которая когда бы состоялся съ дальнобойными орудіями непріятелъ на судахъ.

Не замѣнно ли бы это обречь городъ на конечательную гибель? Сдѣлай нашъ не останавлся бы передъ тѣмъ чтобы разрушить городъ до основанія.

При этомъ условіи стоило ли жертвовать людьми которыхъ не мало погибло бы при общей атакѣ на городъ. Жертвы не оправданы бы большимъ результатомъ.

Нѣшма не было. Онъ не успѣлъ вернуться точно и застрялъ въ городѣ. Его можно было ждать обратно только вечеромъ когда онъ могъ воспользоваться ночной мглой чтобы пробраться черезъ опасныя мѣста которыя непріятель обстрѣливаетъ изъ пулеметовъ.

Мы продолжали знакомиться съ фронтомъ.

Одинъ боевой участокъ находился подъ командой третьяго офицера.

Мнѣ сразу не понравился его физіономія грубыя черныя точки которыя онъ раздавалъ всѣмъ.

Народъ повинуется всякимъ распоряженіямъ съ поразительной охотностью. Выполняетъ всѣ приказанія не нуждаясь ни въ какихъ сильно дѣйствующихъ средствахъ. Народъ понимаетъ что, если онъ не повинуется его ждетъ безпощадная расправа на глазъ врага, гнева и разрушенія.

Народъ принимаетъ съ раскаяннымъ обѣтаніемъ всякаго кто приходитъ къ нему за помощью, ожидая что отъ людей отсюдъ его отъ гибели. Русскій турокъ грузинъ, этой бритъ лезгинъ, кто бы не пришелъ на помощь суверонно хватается за него и вручаетъ ему свою судьбу. Народъ не нуждается въ понужаніи и грубой расправѣ особенно всякаго.

А этотъ типъ! Нельзя безъ отвращенія посмотрѣть тѣ каракулы которыя пришлось наблюдать.

Когда начался столкновенія въ Дагестанѣ туда на радъ съ людьми, которые рѣшили или изъ ненависти къ добровольцамъ или изъ любви къ своему народу принять участіе въ загорѣвшейся борьбѣ, хлынулъ такъ значительно разныхъ національностей. Всѣ тѣ, кто любитъ удить рыбу въ мутной водѣ авторъ и рыжуки.

Нѣтъ числа этихъ людей оказался и вокзалъ Хайрединъ.

Хайрединъ радуетъ патроны. Говорятъ рѣдко о необходимости бережливаго отношенія къ каждому патрону. Идутъ подносящіе къ пулеметчикамъ ленту. Подносящій человѣкъ съ широкой окладистой бородой и около самого глаза предъявляетъ ленту патроновъ. Дѣлаетъ видъ что будто патронъ хочетъ выковырнуть ему глазъ. Ни одинъ мусулъ не дѣлаетъ на лицѣ сжора. Это безстрашіе обѣтъ Хайредина. Глазъ его начинаетъ сильно хранитъ.

— Отъ тебя?

— За какой даромъ выпущенный выпарить онъ будетъ выковыривать по одному глазу.

Хайрединъ доносятъ, что по пути прохода бросающаяся мимо нашей позиціи вправо дальнѣю берегу моря—турецкій чаунъ выгрузился съ оковъ. Изъ бросенныя пачаки аудиоствія вылѣзъ. Пуди порыла чаунъ въ воды и они благополучно скопчался.

Хайрединъ дѣлаетъ распоряженіе—отобрать у него ящика патронъ. За что?—Но чему до мать не догадыли.

Дагестанцы жалуются: мы продавали подбѣдные покупки чтобы за полторы-двѣ тысячи купить себѣ патронъ; мы добровольцы отдалися, чтобы сражаться и умереть за горское дѣло. И вотъ награда. Почему не догадыли? Такъ не мы были бы были догадывать за нимъ а они за нами.

Хайрединъ докладываетъ: войманы четыре лезгинъ съ мѣшками въ которыхъ обнаружены разныя вещи отобранныя въ домахъ Дербента брошенныхъ жителями.

Приводятъ четырехъ пожилыхъ лезгинъ.

Развязываютъ узлы и находятъ въ нихъ разныя хозяйскія хлѣбъ: грязныя простыни и скатерти наполовины отъ полушекъ изъ которыхъ вынущены пухъ, жестяную посуду, сломанный ножъ ножницы, тазы и жуковины, лицъ наблюдающихъ всю эту процедуру, стаповится все мрачнѣй и мрачнѣй. Въ то время какъ вины пронзаютъ кровь они чтобы заинтересуетъ? Грабить послѣдное достояніе—и чье все? Своихъ брошенныхъ—бѣдныхъ мусулманъ брошенныхъ имущество на произволъ судьбы и бѣжавшихъ изъ городъ внезапно обстрѣла мусулманскихъ казаковъ изъ тяжелыхъ орудій.

Мародеры, пойманные на мѣстѣ преступленія застыли въ нѣмомъ оцѣпенѣніи. Нагнетаемая процесть на ихъ побѣдительныхъ лицахъ—ни разсказни, ни прощѣть о пощадѣ. Какія страшныя непонятныя вещи! Неужели они не чувствуютъ всей преступности совершенныхъ ими дѣяній? Они спокойны. Видимо не чувствуютъ тяжелый совѣсти и не могутъ себѣ представить характеръ того наказанія, которое ихъ ждетъ.

Хайрединъ хладно глядитъ на руки.

Хайрединъ скалитъ его лицо—онъ предвкушаетъ интересное зрѣлище. Предстоящее наказаніе должно видимо доставить ему удовольствіе.

Онъ уже мигнулъ черномазому парню и въ вооружаемъ огромнымъ ятаганомъ въ кулакъ тащиной.

Хайрединъ обращается съ рѣчью. Онъ хочетъ учить мѣнѣе присутствующихъ заслуживаютъ ли они двоя наказанія.

Преступленіе на лицо. Эти люди брали не золото и серебро—достояніе богатыхъ а обнаружили домы бѣдныхъ своихъ братьевъ мусулманъ. Хайрединъ знаетъ, какую стрѣлу нужно задѣть какъ выжать отвагу сиюмъ изнуряемыхъ, въ сердцахъ этихъ слѣдъ ихъ людей. столкнишихся вокругъ.

— Заслуживаютъ ли они наказанія?

Изъ толпы крики:

— Заслуживаютъ, ихъ нужно наказать.

— Хорошо. А наказаніе и самъ мнѣ придумалъ.

Черномазый парень сжатется. Ему видимо не въ первый разъ разыгрывать предстоящую роль злостной Немезиды для преступниковъ.

— Ложись!—Командуетъ Хайрединъ мароделу.

Все движеніе черноморскаго крестьянства, причины его нар.жденія, характеръ борьбы все это повторяется въ томъ широкомъ горскомъ возстаніи, которое четвертый мѣсяцъ длится въ Дагестанѣ.

Черноморское крестьянство,—возмущенное и разгнѣванное добровольческими реакціями, мобилизаціями, всякими натуральными повинностями и тѣмъ, что понизаженные по селеніямъ власти, усвоивъ въ своей дѣятельности старыя полицейскія замашки, не считалось абсолютно съ народной волей—поднялось противъ добровольцы.

Съ же причины вызвали и горское возстаніе, подогрѣтое еще тѣмъ, что добровольцы, недвусмысленно обнаруживая въ горскихъ земляхъ свои реставрационныя тенденціи и пытаясь охранить status quo ante революціи—лишала горцевъ надежды расширить, наконецъ, свои земельныя угодья, неспособныя дать при максимумѣ напряженія трудовой энергіи и голодныхъ нормъ продукта.

Разгорѣвшееся возстаніе и у черноморскихъ крестьянъ и у горцевъ поставило себѣ одни и тѣ же цѣли—свергнуть ихъ ненавистныхъ деникинцевъ, построить жизнь въ согласіи со своимъ правосознаніемъ и на основахъ своихъ обычаевъ и нравовъ.

И горцамъ и черноморскимъ крестьянамъ въ равной степени не по дорогѣ съ тѣми двумя видами диктатурной власти, которыя воплощаетъ съ одной стороны въ „диктатурѣ пролетаріата и крестьянства" у большевиковъ, а съ другой въ „національной" диктатурѣ стаи черного генерала тва и черносотенной офицерской касты.

Крестьяне-черноморцы въ одной изъ своихъ резолюцій говорятъ, что „крестьяне, не желая погибать и грузинскихъ и большевистскихъ фронтахъ, защищая интересы реакціи, постановили—освободиться отъ деникинскаго ига, или же умереть здѣсь у своихъ хатъ, защищая свою свободу".

Тоже самое, почти условно говорили и говорятъ горцы.

Они также не за хотѣли дать генеральской клики своихъ полковъ для того, чтобы, защищая реставраціонныя цѣли генераловъ, погибать въ южно-русскихъ степяхъ.

Они также народнымъ возстаніемъ, начатымъ тремя селеніями и поддержанным всѣмъ Дагестаномъ и Чечней, до казали, что ихъ ближайшая цѣль освободиться отъ деникинскаго ига.

Черноморцы—крестьяне, поднявъ возстаніе, надѣялись въ началѣ на то, что въ согласіи съ правой-справедливостью, ихъ поддержатъ внѣшнія силы.

Они вѣрили въ союзниковъ и надѣялись, что англичане, фр нцузы, услышавъ голосъ тѣхъ, чьи права и интересы топчутся генеральскимъ сапогомъ, вступятся за черноморцевъ.

У горцевъ, поднявшихъ возстаніе также въ надеждѣ, что внѣшнія силы придутъ на помощь было также ожиданіе поддержки извнѣ.

Но теперь рушатся по-немного это надежды, и взамѣнъ упованій на внѣшнія силы водворяется увѣренность, что освобожденіе свое отъ деникинщины есть дѣло самихъ горцевъ, что въ борьбѣ можно расчитывать только на свои собственныя силы.

И черноморскіе крестьяне, несмотря на неуспѣхи и неудачи, обычныя въ освободительной борьбѣ, не падаютъ духомъ, а организуются для длительной борьбы.

Общій характеръ борьбы ведомой черноморцами-крестьянами, носитъ партизанскій характеръ.

Удачнымъ налетомъ они выбиваютъ деникинцевъ, наносятъ его войскамъ частичныя пораженія и постоянно тревожатъ тылъ;—но силѣ большихъ карательныхъ отрядовъ добровольцевъ удается отбѣснять ихъ стѣнную зеленую армію, кото ая, однако опять возстанавливаетъ свое исходное положеніе, какъ только добровольческая карательная экспедиція, побезчинствовавъ въ селеніяхъ, уходитъ.

Партизанскую войну ведутъ и горцы.

Партизанскимъ набѣгомъ они то разрушатъ желѣзную дорогу, то займутъ то или другое селеніе, отбѣснимъ добровольцевъ, то захватятъ тотъ или другой стратегическій пунктъ, забирая плѣнныхъ и военное снаряженіе.

Правда, какъ и въ борьбѣ съ черноморскими крестьянами деникинскимъ карательнымъ отрядамъ удается возстанавливать „свое" положеніе.

Они нѣсколько разъ крупными силами отбѣснили повстанцевъ и въ Чечнѣ, и въ районѣ Темиръ-Ханъ-Шуры, и подъ Дербентомъ.

Но у добровольцевъ нѣтъ тѣхъ людскихъ воинскихъ частей, кот рыя они могли бы держать въ полосѣ возстанія.

А поэтому добровольческія части вы полнивъ „боевое" заданіе по отбѣсненію повстанцевъ уходятъ, чтобы этими силами нанести короткій ударъ пластическому фронту въ другомъ мѣстѣ.

Тѣмъ временемъ повстанцы только что „потерпѣвшіе поражеіе", наступаютъ и возстанавливаютъ исходное положеніе.

Такъ длится борьба въ Дагестанѣ и Чечнѣ, и въ Черноморіи.

Черноморцы и горцы не теряютъ вѣру, что окончательная побѣда надъ кликой генераловъ увѣнчается побѣдой.

Общность цѣлей борьбы, необходимость единенія фронта, созданіе согласованности въ дѣйствіяхъ у кавказскихъ горцевъ и черноморскихъ крестьянъ, противъ одного и того же врага.

Въ единствѣ фронта революціонной демократіи Кавказа безъ разнятія народностей—залогъ побѣды надъ генеральской реакціей.

Гимзатъ.

„Танъ" о Кавказѣ и горскихъ народахъ

„Танъ" въ номерѣ своемъ отъ 24-го октября пишетъ:

Внутренное ослабленіе большевизма того режима и военныя событія, происходящія нынѣ въ Россіи, повозяютъ надѣяться, что не далекъ моментъ, когда Франція сумѣетъ возобновить свои торговыя сношенія съ Россіей, которая имѣетъ для насъ двоякій интересъ, какъ источникъ продовольствія и сырья, съ одной стороны, и рынокъ для нашей внѣшней торговли—съ другой. Необходимо поэтому заняться этимъ вопросомъ и не медлить проявленіемъ инициативы, иначе мы будемъ опережены,—что уже наблюдается въ нѣкоторыхъ областяхъ,—другими народами, союзными, какъ и враждебными.

Мы имѣли уже случай указывать на необходимость немедленнаго возобновленія торговыхъ сношеній съ югомъ Россіи, въ особенности съ Кавказомъ. Исключительный интересъ для нашей торговли имѣетъ Сѣверный Кавказъ, гдѣ въ данный моментъ отсутствуетъ еще всякое иностранное вліяніе и гдѣ имѣются огромные запасы продовольствія и нефтяныя богатства.

Но для того, чтобы возможны были плодотворные результаты, для того, что бы французы согласились затрачивать въ этихъ областяхъ энергію и капиталы, необходимо порядокъ и спокойствіе.

Въ соціальномъ отношеніи эти области внушаютъ полную увѣренность. Горское населеніе, состоящее въ большинствѣ изъ черкесовъ и дагестанцевъ, любитъ порядокъ. Горцы очень воинственны, такъ какъ продолжительное время тѣ же жесточайшую борьбу за свою независимость, но они сохранили слишкомъ крѣпкую память о возстаніяхъ и войнахъ, безпрерывно спаивавшихъ другъ за другомъ, до полнаго умиротворенія Кавказа въ 1864 г. чтобы желать повторенія смуты. А такъ какъ они, съ другой стороны, полвѣка тому назадъ, жили не в весной жизнью, то они прекрасно ра-

СОДЕРЖАНІЕ:

Предложеніе добровармію Азербайджанскому Правительству предоставить бакинскіе доки для починки добровольческой каспійской флотилии Азербайджанское Правительство отвѣтило отказомъ.

„Танъ" о кавказскихъ горцахъ.

Статьи: Можно—ли вѣрить?—*Ах.*, Разложеніе—*Арегнскій*, Исторія повторяется—*Куртатинскій*, Черноморское крестьянство и горцы—*Хаматъ*, „Борьба" съ преступностію—*Из. Торковъ*, Рабочее движеніе на Терекѣ—*Ев. Жарковскій*, У Алханъ—юрта—*Д. Шошовъ*, По возставшему Дагестану—*Ахмедъ Цаликовъ*.

ликаютъ между свободой и анархіей. Горцы, кромѣ того, земельные собственники и тѣмъ болѣе привязаны къ своей землѣ, что она богата и плодородна. Они поэтому являются естественными противниками хаотическаго коммунизма".

Изложивъ ходъ событій на Сѣверномъ Кавказѣ вплоть до конфликта съ Деникинымъ, газета продолжаетъ:

„Достойно сожалѣнія, что между Деникинцами и кавказскими народами возникли трения. Генералъ, возможно, недостаточно щадилъ ихъ самолюбіе. Потрясенные его крайними централизаторскими стремленіями, кавказскіе народы, повидимому, боятся возвращенія злополучнаго стараго режима. Но конфликты, вспыхнувшіе вслѣдствіе этихъ недоразумѣній, все ж равно какъ декларація о независимости не обнаруживали в.ажнѣйшихъ чувствъ горскихъ народовъ въ отношеніи къ Россіи. Въ дѣйствительности, Кавказъ намѣренъ отстаивать свою независимость, пока судьба Россіи не опредѣлилась. Онъ не желаетъ отдаваться случаю, боясь не хочетъ на большевистской анархіи, ни абсолютизма съ его чрезмѣрнымъ централизмомъ. Но если возсоздается свободная Россія съ широкой и гонкой различныхъ расъ и народовъ, которые ее населяютъ, то и горцы по собственной волѣ всѣ будутъ въ ея составѣ.

А до воплощенія этой гипотезы въ жизни, было бы желательно не давать подобныхъ недоразумѣніямъ повторяться. Фактуктіе сносныхъ властей на Сѣверномъ Кавказѣ могло бы оказывать въ высшей степени благопріятное при мирающее вліяніе. И такъ какъ требуется главнымъ образомъ „моральное вліяніе, то было бы не лишъ достаточно найть тамъ автори етное торговое представительство. Почему не аккредитовать консула при фактическихъ существующихъ правительствѣ, подобно тому, какъ англичане съ успѣхомъ сдѣлали уже это въ Баку? Одновременно мы положили бы такимъ образомъ начало коммерческой организаціи, которая создала бы благопріятныя условія для нашихъ экономическихъ интересовъ. Болѣе того, это было не только въ нашихъ интересахъ и горскихъ народовъ но послужило бы на пользу и генералу Деникину. Для успѣшнаго веденія своихъ операцій ген. Деникинъ въ дѣйствительности долженъ пользоваться дружественнымъ расположеніемъ областей, изъ которыхъ онъ черпаетъ значительную часть нужныхъ ему припасовъ".

„Б."

Въ добровольческомъ тыду.

Бесѣда.

Вошь сотрудникъ бесѣдовалъ съ только что оставшимися видными кавказцами общественно-политическими дѣятелями представившимъ по всему тылу добровольцы по Черноморью, Кубани. Дону. побывавшимъ въ Ростовѣ и Екатеринодарѣ.

Возвращенные было на недосмотрому выходу увѣряются въ томъ, что добровольцы стоятъ на пуляхъ въ Москвѣ сбѣшаясь уныніемъ и пессимизмомъ подъ вліяніемъ подавляющаго наступленія большевистскихъ силъ.

И чтобъ больше свѣтить у добровольцевъ сомнѣніе на тѣмъ сильнѣй выдвигается во всѣхъ добровольческихъ тыловыхъ учрежденіяхъ принципъ—*carpe diem*.

Ловя моментъ—это лозунгъ въ тылу доброварміи.

Моменты ловятъ и тѣ кто спекулируетъ, создавая повышенную дорогонаемку тѣ, которыя обязываютъ тыловой администраціи бегуть взятки и съ живого и съ мертваго, а тѣ кто сражались на фронтѣ уклонять и увеличить поклѣ бои заработанное добро.

Не желѣзныя дороги разнообразныя особые отрасли, которые профіцирующія документы продлежащихъ и освѣтящихъ ихъ бакшиз, теперяти всякія затрудненія чтобы за устройство ихъ брать взятки.

Въ Новороссійскѣ при разгрузкѣ съ парохода оборвется цѣлая вагонная пятиметаллка, которое подлежитъ иногда цѣлую бурю возмущенію быстро однако, сопровожу питьемъ и закусой.

Аскеры дискутилась мирнѣ-жаркнь
Земля ноть ихъ оставили задрожала...
Въ безумномъ вихрѣ все неслось...
. . . . . .
Упалъ аскеръ и молвитъ умирая:
— Брати, сходуть близко, прощай!
Въ далекій край, гдѣ Конія святыя
Послѣдній вакъ мой передай.—
Отобѣтилъ тотъ о той Судьбѣ!
Ты міръ шагаетъ покрыла
Узнъ, вливелъ блаженный прохладу
То—предпоѣшуенье рая.
И, если сужденъ, вслѣдъ за тобой и я
Найду, сейчасъ желанную кончину.
Что жизнь сонъ и Конія.
Коль сбрасить великолѣпнаго личину?
Или ежедуль... И жди меня!
И трепетно прижавъ къ хладѣющему чалу
Устъ не знавшія сомнѣнія.
Онъ чрезъ мгнъ бѣлъ на пулу
Въ пулу оруженья.
И прочитать это стихотвореніе и, не бурчи поотомъ, мы захотѣлось прибавить нѣсколько строкъ.
Экспромтомъ и пріписсать:
— Вотъ горкимъ сердецъ
Сохранѣтъ вѣрно безкорыстно-вливной,—
Какъ грудуно горитъ на пяхъ нѣлецъ
Въ окраинѣ дикой.
А мы съ душою полной жуги
Рвадотъ радостей и оскверненныхъ
сновъ
Томимся въ пути
Вѣхъ отсутствѣнныхъ слонъ.

Ахмедъ Цаликовъ.

гору. Который стоялъ къ нему ближе другихъ.

Тотъ продолжаетъ нерѣшительно стоять: Тогда вызвавшій человѣкъ подсказываетъ къ нему и бросаетъ его на землю, жиготомъ къ низу.

— Начинай!—Продолжаетъ снова поручикъ Хайрединъ.

Убѣжденный дворнекъ начинаетъ гудить по мягкимъ частямъ тѣла мародера. Онъ весь извивается отъ боли, кричитъ. А безпощадные удары опускаются одинъ за другимъ.

— Будешь грабить... Будешь грабить.— Приговаривается Хайрединъ и поступаетъ второй на голову и извиваемаго, чтобы заставить его лежать спокойнѣй.

Кровь проходитъ въ заглушенномъ стонѣ Жертва облаблается. Ее отбрасываютъ въ сторону, такое исторія повторяется со другимъ, третьимъ и четвертымъ.

Послѣдній оказывается старикъ, онъ пытаетъ на колѣни и молитъ:

— Эфендимъ, пощади, я не вынесу...

— Молчать, ложись!—Хайрединъ сумѣ показывается на жертву, бьетъ ее. Старикъ отшвыривается на земь и удары сыпятся на него.

Я вмѣшиваюсь въ лица окружающихъ. На ихъ ничего нельзя прочесть. Они безстрастно—холодны. Только легкая тѣнь пробѣжитъ по тому или другому лицу.

Шарютъ не выдерживаетъ, подходитъ ренлицу:

— Лучше разстрѣливать чѣмъ бить.

Кто то вмѣшивается говоритъ:

— Если бить, то нужно бить плетью, а не дрючомъ: такъ можно покалѣчить человѣка. Нѣтъ можно перебить человѣку спинной хребетъ, кто же тогда будетъ его кормить и содержать? Некорошо, нужно бить плетью.

Экзекуція кончена. Наказанные отказываютъ на сторону и хлѣбаютъ въ бурьянъ. Но ихъ нѣсколькимъ страданіямъ лицамъ катятся слезы. Долго можно было видѣть лежащихся въ бурьянѣ пока ихъ не прогнали со двора и они еле держась на ногахъ поволгли другъ другу, другъ тоже.

— Этотъ человѣкъ долженъ быть уборщикомъ мусора сносимъ можетъ.

Картина запрской расправы стояла предъ глазами не давая покоя вожмущенному сознанію. Нужно было подождать прихода Исмаила.

Что толкаетъ людей подобныхъ Хайредину, пить гадъ, льетъ сенгинная кровь народа въ борьбѣ за свободу?!. Зачѣмъ они хвалятся своими грязными руками за дѣло, которое нуждается для своего торжества въ герояхъ подвижникахъ и мученикахъ! Какъ противуѣно перемѣшается въ жизни хорошее и дурное прекрасное и безобразное благородное и низкое!..

Жизнь сотвана изъ противорѣчій!..

Я вспоминаюсь въ его нѣжной любовь въ его глаза съ холодными злобными огнемъ въ его подобострастную улыбку, съ которой онъ подходилъ къ нѣмъ во дло его грубую и уродливую фигуру. и мнѣ чудилось что отъ человѣка я уже встрѣчалъ давно въ моихъ скитаніяхъ по дарскимъ тюрьмамъ.

Достаточно нѣсколько Хайрединовъ чтобы то чувство туркотиціяны, которое дѣзатчи нѣтъ жало въ сердцахъ многихъ горцевъ совершенно исчезнулось.

Историческая обстановка питала это чувство.

Шла скрытная, безпощадная кавказская война. Русскія войска не пощадали и истребляли горцевъ. Бросаясь селенія и бѣгъ пощадали мужчины, женщины и дѣти съ ужасомъ горцы сопрались по сторонамъ. Шли то могъ какъ полочь въ ихъ безвыходномъ положеніи и никого не находили вблизи.

И трепетное чувство ненависть далеко на сыщенному Стамбулу. Тамъ гдѣ ни сидятъ грязный падишахъ—халифъ при своихъ. Онъ выступитъ на защиту, онъ спасетъ отъ отчаянія за все горе за всѣ бѣды за всѣ неволія и униженія.

Такъ тупѣвшая легенда жила въ сердцѣ горскихъ народовъ, которыя его не всѣхъ вчувствѣхъ ихъ многострадальной жизни.

Каждый разъ когда горцы переживали тяжелыя страдныя минуты, когда они были на краю гибели—эта легенда вспыхивала съ новой силой, въ орозѣ новой кровью.

Хайрединъ знали объ этой легендѣ въ сердцахъ прозорливыхъ горцевъ и они воспѣшали использовать моментъ.

Но были и другіе такіе же проглядные какъ сами дагестанцы. Жившіе по нѣкоторыхъ же нечтяній и надежды что и они.

Все, что разрушаетъ Хайрединъ—эта создаетъ.

Разнѣ не волны тревительной идеологы жившіе нѣкоторыхъ турокъ, слушайа возгнанныхъ на Кавказѣ, цѣли отъ своей родины, раздѣленной на части отдать свою жизнь горскимъ народамъ въ ихъ отчаянномъ порывѣ отстоять свободу своихъ отцовъ, возрожденности жилищъ и имущества, своемъ правомъ на свободную жизнь.

Въ этомъ порывѣ много идеализма, пусть этотъ идеализмъ и окрашенъ въ религіозный цвѣтъ!

Добровольческіи рѣшили могутъ увидѣть въ прикуплѣнія нѣсколькихъ десятковъ тысячъ въ Дагестанѣ какую то злокозненную политику Берлина или Стамбула, а въ дѣйствительности это просто люди идеалистическаго порыва.

Каждая Хайреддинъ демократія Кавказа есть реакціи и правящій можетъ только предотвратить тѣхъ горцевъ которые разомъ съ русскими, грузинами освобождаемыми добровольцы пришли въ Дагестанъ бороться, пришли уморить ихъ побѣдами разомъ съ горцами.

Въ Лез нѣсколь ихъ интеллигентный дагестанецъ разказывалъ мнѣ трогательный эпизодъ изъ жизни горцевъ вспомнилъ ихъ первый приходъ въ Дагестанъ.

Шла атакаъ Петровска. Турецкая пушка нагнула ноть страшнымъ огнемъ. Въ ней были два брата аксаръ. Вдругъ во время бѣшенной стѣки одинъ изъ братьевъ падаетъ русскій. Другой только на мгновеніе замѣшкивается. Цѣлуетъ брата на любъ и спѣшитъ готовясь же въ бой въ догонку за опередившимъ его товарищами.

Молодой заостанецъ сказалъ:

— Этотъ заѣздъ и цѣлующій стихами. Хотите прочту?

— Пожалуйста.

Онъ прочелъ:

Два аскера.
Стуная пулеметы. Жужжали пули какъ
пчелы.
Пѣсень спѣвъ ранъ и лечь
Ранадесь ранѣнь.
Вальнулся глубь земли.
Лежали рядъ аскеръ на пути.
Вдали сверкалъ морской простуръ,
То Каспій слалъ тѣмой уборъ
Равнѣнцѣйскія земли.
Пронзительно, какъ свистъ кинжала:
Ваша жизнь! Ваша жизнь!

Особеннымъ взяточничествомъ отличаются судебно-розыскныя учрежденія, исполняющія обязанности по вылавливанію большевиковъ и слѣдящія за благонамѣренностью мыслей и образа дѣйствій подданныхъ Деникина.

Нерѣдки случаи, когда эти учрежденія арестовываютъ явно благонамѣренныхъ и лойяльныхъ граждань на вокзалахъ и ставятъ опредѣленныя «цифровыя условія», при выполненіи которыхъ даютъ обязательство освободить арестованныхъ.

И этотъ административный шантажъ процвѣтаетъ на глазахъ у тысячъ людей.

Но несмотря на растущій и нагло бросающійся въ глаза произволъ, публика молчитъ.

Въ Екатеринодарѣ нашъ собесѣдникъ видѣлъ самъ, какъ казацкой нагайкой былъ погашенъ ропотъ женской толпы, вереницей тянувшейся въ очереди за полученіемъ продуктовъ.

Произволъ, взяточничество, наглость, грубость и насилія—вотъ характерныя отличительныя свойства добровольческой власти въ городахъ.

А въ селеніяхъ не казачьихъ областей нѣтъ и запаха никакой добровольческой власти.

Только тамъ чувствуется присутствіе добровольческихъ властей, гдѣ стоятъ добровольческіе гарнизоны.

Въ Черноморской губерніи происходятъ все время бунты и военныя дѣйствія зеленоармейцевъ, въ Ставропольской губерніи половина населенія ушла съ красными войсками еще въ маѣ мѣсяцѣ, а на Украинѣ повсюду полная анархія.

Не благополучно и въ казачьихъ областяхъ. Чувствуется усталость отъ гражданской войны.

Вѣрили было въ связи съ октябрьскими успѣхами доброарміи, что скоро закончится война, а теперь никакимъ «патріотическимъ» призывомъ не увлечь массы, не зажечь казаковъ желаніемъ биться.

Теперь идутъ еще воевать многіе потому, что можно пограбить.

Воинскія части въ большинствѣ одѣты очень скверно, но встрѣчаются и части прекрасно и тепло обутыя и одѣтыя въ англійскія одежды и обувь.

Вновь мобилизованные обычно одѣты хуже всѣхъ, а лучше и теплѣй всѣхъ одѣты казачьи части.

Всѣ тѣ селенія, которыя занимались добровольцами, обыкновенно предавались разграбленію за исключеніемъ только селеній, о пощадѣ которыхъ командованіе заранѣе издало приказъ.

Тылъ кишитъ дезертирами, бѣгущими съ фронта или въ родныя селенія или въ зеленую армію, которая растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Желѣзнодорожное сообщеніе на Кубани и на Дону исправно и аккуратно, но въ предѣлахъ Харьковской и другихъ губерній Украины его совсѣмъ нѣтъ.

Даже къ фронту не удается добровольцамъ наладить правильный и регулярный транспортъ.

Конечно, фронтъ отъ этого и добровольцевъ въ сильной степени страдаетъ и разрушается.

Словомъ, закончилъ нашъ собесѣдникъ, тылъ добровольческой арміи теперь представляетъ изъ себя начинающій разлагаться организмъ.

Если съ сѣвера будетъ въ теченіи еще нѣкотораго времени продолжаться натискъ, то неминуемъ полный развалъ добровольческой арміи.

Рабочее движение на Терекѣ. *)

(Продолженіе).

Областная власть, обосновавшаяся въ кадетскомъ корпусѣ, тѣшила себя тѣмъ, что контръ-революціонеры учтя настроеніе большинства населенія, сами удалятся изъ города.

А тѣ, которые твердо рѣшили, что Владикавказъ долженъ быть базой для организаціи контръ-революціонныхъ силъ, на Сѣв. Кавказѣ для борьбы съ революціей сочли это за безсиліе власти и продолжали творить свое дѣло.

За нѣсколько дней было совершено много самыхъ дерзкихъ нападеній на квартиры и прохожихъ съ цѣлью вызвать недовольство у населенія новой властью. Было нѣсколько случаевъ обезоруживаній делегатовъ съѣзда. Эти факты привели къ тому, что 10 марта казарма, гдѣ помѣщалась офицерская часть, была окружена народомъ, а къ обѣду началась осада.

Вмѣшавшійся въ это столкновеніе только что сконструировавшійся совѣтъ комиссаровъ, убѣдилъ толпу выпустить живыми офицеровъ, такъ долго терроризовавшихъ населеніе, съ условіемъ, что они немедленно покинутъ городъ.

Было подано нѣсколько вагоновъ, въ которыхъ и выпроводили по направленію къ Беслану нѣсколько десятковъ разбойниковъ и контръ-революціонеровъ.

Но часть толпы, главное тѣ, которые не были согласны съ такимъ компромисснымъ рѣшеніемъ, незамѣтно отдѣлились отъ общей толпы, направились за городъ, гдѣ, дождавшись поѣзда, разстрѣляли нѣсколько человѣкъ.

Этотъ печальный фактъ съ легкой руки врагами Народной Власти былъ приписанъ и раздутъ, какъ злой умыселъ «кровожадныхъ» комиссаровъ.

Этимъ и было ликвидировано на долгое время всякія контръ-революціонныя выступленія.

Вопросъ же съ Терско-Дагестанскимъ Правительствомъ разрѣшился чрезвычайно легко, за исключеніемъ маленькаго инцидента съ княземъ Алхазовымъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, да и то не на почвѣ борьбы за власть, а изъ-за номера въ гостиницѣ «Парижъ».

Одни изъ министровъ переѣхали въ родныя селенія на «отдыхъ», а другія отправились въ Тифлисъ.

Наступившее успокоеніе не создало подходящей обстановки для созидательной работы власти.

Начавшееся столкновеніе 1 марта между грозненцами и чеченцами (о причинахъ этого столкновенія въ слѣдующей статьѣ) еще не было окончательно ликвидировано. Поступали тревожныя телеграммы изъ Сунженской линіи и началось столкновеніе между осетинами и казаками съ одной стороны и ингушами съ другой.

Въ такой тревожной обстановкѣ и былъ созданъ совѣтъ комиссаровъ.

Сыпавшіе фонтаномъ революціонныя фразы передъ съѣздомъ, столкнувшіеся съ дѣйствительностью г. г. коммунисты перестали кричать о соціалистической революціи и о диктатурѣ пролетаріата на Терекѣ среди шовинистически настроенныхъ группъ и не прекращающагося пламени національной войны.

Мы конечно далеки отъ мысли этимъ подтверждать обывательскія разсужденія, что «большевики перерождятся».

Люди, строющіе свою тактику на демагогіи, отрицаніи разумныхъ началъ и слѣпомъ упорствѣ, себѣ не измѣнятъ.

Мы лишь хотимъ указать на ту безпринципную эластичность большевистскихъ политиковъ, давшую имъ возможность контрабанднымъ путемъ черезъ головы и плечи «соглашателей» протащить на свѣтъ Божій свой товарецъ, который они хотѣли «только показать» передъ делегатами съѣзда.

Имъ лишь надо было подчинить областной органъ терской демократіи совнаркому и только.

Это молъ такъ, на всякій случай, а Народный Совѣтъ и терск. совѣтъ комиссаровъ долженъ опредѣлять свои задачи тѣми объективными условіями, въ которыхъ ему придется работать,—говорили большевики переѣхавши во Владикавказъ.

Что-жъ,—со вздохомъ произносили меньшевики и с.-р., запрягшейся въ комунистическій тарантасъ,—повѣрили въ первый разъ, что-жъ не повѣрить и во второй.

Но жизнь скоро доказала, что коммунисты лишь временно замолчали, да и то прижатые къ стѣнѣ грозными событіями.

Стремленіе коммунистовъ подчинить областную власть своей диктатурѣ росло по мѣрѣ успокоенія въ краѣ и упроченія власти народнаго совѣта.

Распоряженія областной власти несоотвѣтствующія взглядамъ коммунистовъ совершенно игнорировались мѣстными организаціями, въ которыхъ засѣли большевики.

Такъ было съ положеніями, выработанными большевикомъ Буачидзе предсѣдателемъ совнаркома, объ организаціи народныхъ совѣтовъ на мѣстахъ, которымъ не суждено было увидѣть Божьяго свѣта.

Малая коммунистическая братія нашла, что организованные по такому проэкту органы власти, въ которые могутъ входить всѣ, кого только избереть населеніе, явятся разсадниками контръ-революціи.

Въ противовѣсъ тенденціи областной власти построить мѣстные органы на широкомъ демократическомъ базисѣ, коммунисты начали выживать всѣхъ иновѣрныхъ изъ совѣтовъ.

Въ Кисловодскомъ совѣтѣ большевики предложили лѣв. соц.-рев. перейти въ коммунисты или выйти изъ исполнительнаго комитета, а въ Грозненскомъ совѣтѣ рабочихъ депутатовъ коммунисты обязали меньшевиковъ войти во фракцію большевиковъ.

Точно такимъ же образомъ мѣстные совѣты поступали и съ распоряженіемъ совнаркома о городскихъ самоуправленіяхъ.

Вопреки распоряженія обл. власти городскія думы были распущены въ цѣломъ рядѣ городовъ совѣтами, а оставшіяся въ живыхъ частыми реквизиціями и захватами всего, что соблазняло, не давали заниматься созидательной работой.

Присвоивши себѣ полноту власти въ городахъ, совѣты часто компетенцію своей власти расширяли и на окрестныя селенія, что вызывало совершенно ненужныя тренія въ населеніи.

Такъ, напримѣръ, Кизлярскій совѣтъ взималъ налоги со всего Кизлярскаго отдѣла въ то время, какъ по конституціи, принятой пятигорскимъ съѣздомъ, отдѣлами и округами управляли отдѣльскіе и районные народные совѣты.

За отсутствіемъ въ нѣкоторыхъ городахъ пролетаріата совѣты пополнялись элементами ничего общаго не имѣющими съ рабочимъ классомъ.

Вообще съ переходомъ власти къ совѣтамъ и упраздненіемъ городскихъ думъ часто получались прекурьезнѣйшія явленія.

Укажемъ хотя бы на Владикавказъ, который далеко не является захолустнымъ городомъ на Терекѣ.

Большевики имѣли во владикавказской городской думѣ большинство.

Ихъ представители входили не только въ управу, но и имѣли за собою предсѣдательское мѣсто.

Казалось г.г. коммунисты могли свободно внѣдрять въ головы и желудки владикавказцамъ коммунистическіе принципы, имѣя въ своихъ рукахъ вполнѣ налаженный аппаратъ городского хозяйства.

Но и такая благопріятная обстановка не могла удовлетворить коммунистовъ, поставившихъ себѣ цѣлью разрушать все, что напоминаетъ о волѣ широкой демократіи. Взамѣнъ думы, являвшейся бѣльмомъ у коммунистовъ, на скорую руку былъ состряпанъ совѣтъ рабочихъ и красноармейскихъ депутатовъ.

За малочисленностью рабочихъ во Владикавказѣ было предоставлено право прислать своихъ представителей въ совѣтъ слободкамъ и самооборонѣ.

Въ результатѣ на фонѣ владикавказскаго совѣта получилось трогательное сочертаніе: предсѣдатель коммунистовъ, и члены совѣта такія колоритныя фигуры, какъ г. Ткачевъ, вдохновитель казачьей контръ-революціи нынѣ призывающій громить ингушей и, наконецъ, объявленный монархистъ, чертѣ грифельной доски горный инженеръ Морголіусъ, сажавшій не разъ рабочихъ въ тюрьмы за экономическія стачки на Терекѣ. И все же этотъ органъ считался высшимъ органомъ власти въ городѣ, а въ коммунистическихъ сферахъ пользовался большимъ довѣріемъ.

Евгеній Жарковскій.

*) См. № 14

У аула Алханъ-Юртъ.

(Изъ воспоминаній).

Сегодня 26 марта, ровно восемнадцать дней послѣ гойтинскаго боя. Въ этомъ году ранняя весна и послѣднія числа марта принесли съ собой тихій, ласкающій степной вѣтерокъ, глубокое безоблачное небо и трепетное тепло солнца.

Заходить солнце.

Вдругъ совершенно неожиданно со стороны ауловъ Урусъ-Мартанъ, Гехи и Алханъ-Юрта послышалась учащенная ружейная стрѣльба. По характеру огня видно, что стрѣльба возникла неожиданно. Привычное ухо улавливаетъ отсутствіе пулеметной „музыки".

Потомъ одинъ за другимъ два глухихъ взрыва. Слишкомъ сильныхъ для ручныхъ гранатъ и съ большей детонаціей, чѣмъ артиллерійскій снарядъ.

Что такое? Новое наступленіе добровольцевъ?

Но не могло же это наступленіе быть незамѣченнымъ до тѣхъ поръ, пока казачьи цѣпи уже достигли ауловъ.

Тѣмъ болѣе со дня гойтинскаго боя чеченцы несутъ относительно-удовлетворительную сторожевую и развѣдывательную службу, слѣдовательно наступающіе казаки обязательно были бы обнаружены.

Вскорѣ дѣло выясняется.

Изъ Грознаго вылетѣлъ бѣлый аэропланъ, который конечно, подвергся ружейному обстрѣлу со стороны „непокоренныхъ" чеченцевъ всѣхъ ауловъ Грозненскаго округа за исключеніемъ одного—Буганъ-Юрта, гдѣ чеченцы были настроены „лойяльно" къ добровольцамъ.

Аэропланъ въ отвѣтъ на стрѣльбу сбросилъ двѣ бомбы въ Гехи и Урусъ-Мартанѣ, къ счастью, не принесшихъ никакого вреда.

Ночь прошла спокойно, но у всѣхъ жило твердое убѣжденіе, что аэропланъ былъ „не съ проста", что ежедневно надо съ большой готовностью ожидать новаго разбойничьяго нападенія русскихъ генераловъ на мирную чеченскую территорію.

Ждать пришлось недолго.

На другой день, какъ сигналъ къ начавшемуся бою, казаками былъ данъ артиллерійскій залпъ по ауламъ, лежащимъ непосредственно у желѣзныхъ дорогъ.

На этотъ разъ казаки отказались отъ своей безумной затѣи—открывать военныя операціи въ самомъ центрѣ еще „не покоренныхъ" чеченцевъ, оставляя въ тылу и на флангахъ явно-оппозиціонно настроенные къ нимъ чеченскіе аулы.

Сегодня казаки открыли бой на широкомъ фронтѣ—полосѣ ауловъ, представляющихъ изъ себя, какъ-бы рядъ заслоновъ, не сломивъ упорства которыхъ, нельзя было надѣяться проникнуть вглубь плоскостной Чечни.

Черезъ полчаса артиллерійской подготовки уже ясно было, что добровольцы сегодня ставятъ боевой задачей сломить алханъ-юртовскихъ чеченцевъ, а передъ аулами Ачхой-Мартанъ, Кадисъ-Юртъ, Валерикъ и другими они выставили только усиленные заслоны, тѣмъ самымъ добиваясь цѣли—лишить Алханъ-Юртъ поддержки живой силой со стороны перечисленныхъ ауловъ.

Около двѣнадцати часовъ погода рѣзко измѣнилась. Мелкій пронизывающій дождикъ одѣлъ въ сѣть окружающія степи.

Тянутся колонны горныхъ чеченцевъ, шатоевскаго округа и другихъ.

Половина, если не больше, нашихъ гойтинскихъ чеченцевъ ускакала и ушла пѣшкомъ на помощь къ Алханъ-Юрту.

Напрасно старики уговариваютъ молодежь остаться въ своемъ аулѣ, вѣдь, еще не ясно: не поведутъ-ли казаки одновременно наступленія и на Гойты.

Но уговоры напрасны. Молодежь не живетъ ожиданіемъ предстоящаго боя, она идетъ туда, гдѣ бой—уже совершившійся фактъ.

Гремятъ безпрерывно пушки, трещатъ винтовки и пулеметы.

Почти черезъ каждыя десять минутъ мы получаемъ свѣдѣнія о ходѣ боя.

Свѣдѣнія самыя оптимистическія и радужныя.

„Казаки бѣгутъ, казаки окружены".

Эти вѣсти немножко преждевременны. Бой въ полномъ разгарѣ, звуки стрѣльбы указываютъ, что казачьи части еще твердо держатся на занятой утромъ позиціи.

Что это?

Затрещали пулеметы совсѣмъ близко, у алдынскаго лѣса.

Долго не можемъ понять причины этого внезапнаго новаго поля боя. Только къ вечеру выяснилось, что это сотня урусъ-мартановскихъ чеченцевъ, шедшая на подмогу къ Алханъ-Юрту наткнулась вплотную на казачій заслонъ, выставленный противъ аула Гойты. Столкновеніе было настолько внезапно для обѣихъ сторонъ и встрѣтившихъ враговъ отдѣляло такое незначительное разстояніе, что не представлялось возможности разсыпаться въ цѣпь и открыть огонь.

Одна минута замѣшательства.

„Закосилъ" пулеметъ, чеченцы выхватили кинжалы и бросились на казаковъ.

Эта дерзость, въ нынѣшней войнѣ,—бросаться съ холоднымъ оружіемъ на дѣйствующій пулеметъ, поразила казаковъ до невѣроятности.

Началось звѣриное истребленіе другъ друга.

Распарывались животы, грызли зубами, душили, били прикладами винтовокъ.

Всего нѣсколько минутъ. Но сколько ужаса, крови, озвѣренія.

Не выдержала казачья застава. Дрогнули добровольцы.

Какъ всегда послѣ рукопашной схватки, отступленіе уже не было отступленіемъ,—а паническимъ бѣгствомъ.

Оставлены лошади, патроны, пулеметы, двуколки.

Паника—это чумная бацилла въ бою, по своей способности необыкновенно молніеносно заражать сосѣдніе части и на этотъ разъ весь казачій фронтъ былъ охваченъ паникой, зараженной незначительной казачьей заставой.

Орудія, снявшіяся съ позиціи отступали безъ пути и направленія.

Результаты сказались. Вся батарея загрязла въ мелкой рѣченкѣ, а сзади все ближе и ближе настигаетъ лава преслѣдующихъ, опьяненныхъ новой побѣдой чеченцевъ.

Лихорадочно быстро казаки рѣжутъ орудійныя постромки, уносясь вскачь на взмыленныхъ лошадяхъ, оставляя батарею на произволъ судьбы.

Дрогнули казаки и подъ Алханъ-Юртомъ, державшіе фронтъ по рѣкѣ Сунжѣ. Началась паническая переправа на другой берегъ. Мало кто смогъ благополучно переправиться. Большинство ѣзды ханными и окрававленными Сунжа принесла къ Грозному.

Въ этотъ бой добровольцы понесли колоссальныя потери въ живой силѣ и боевымъ снарядами. Были захвачены цѣлые фургоны съ патронами, снарядами, пулеметы, лошади. Орудій не смогли взять только потому, что алдынцы измѣнили общему дѣлу и дали возможность казакамъ взять ихъ подъ прикрытіемъ ночи.

Возвращаются наши чеченцы по роднымъ саклямъ.

Много везутъ убитыхъ и раненыхъ.

Большія потери понесли казаки, не малыя и чеченцы. Много саклей потеряло отцовъ, мужей, сыновей, братьевъ.

А на кладбищѣ новые, бѣленькіе шесты съ бѣлыми флажками.

Дождь моросилъ.

Л. Шоиповъ.

Послѣднія вѣсти.

Послѣднія усилія добровольцевъ

Лицо, только что прибывшее изъ Ингушетіи, передаетъ, что всѣ добровольческія войска, оперировавшія въ Чечнѣ отозваны оттуда и переброшены на Царицынскій и Астраханскій фронты. Настроеніе терскаго казачества подавленное.

Тяжелое положеніе добровольческой флотиліи.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ нами изъ источниковъ заслуживающихъ довѣрія, добровольческая армія обратилась къ правительству Азербайджана съ предложеніемъ предоставить бакинскіе доки для ремонта судовъ добровольческой каспійской флотиліи. Азербайджанское правительство отвѣтило отказомъ. Этотъ отказъ ставитъ въ тяжелое положеніе каспійскую флотилію, весьма нуждающуюся въ немедленномъ ремонтѣ.

Какъ дагестанцы обращаются съ плѣнными?

(Отъ нашего корреспондента).

Сообщаю вамъ копію любопытнаго документа, даннаго плѣнными добровольческими офицерами обществу сел. Курахъ, передъ оставленіемъ аула и отправкой въ другое селеніе:

Удостовѣреніе.

Дано сіе обществу сел. Курахъ Кюринскаго округа въ томъ, что об-во названнаго села за время нашего пребыванія съ 24 августа по 15 сент. ст. ст. 1919 г. въ селеніи, относилось къ намъ хорошо, стараясь помочь, доставило намъ пріютъ, кормили и охраняли насъ, что подписями своими удостовѣряемъ

Офицеры 4-го Дагестанскаго стрѣлковаго баталіона Подпоручикъ *Быковъ*, Поручикъ *Гридневъ*, Поручикъ *Куликовъ*.

5 сент. 1919 года.

Редакторъ—Ахмедъ Цаликовъ.

Издатель—Совѣтъ обороны Республики горцевъ Кавказа.

Государственная типографія.